

УДК 821.161.1

Л.Ю. ПАРАМОНОВА,
*аспірант кафедри сучасної російської літератури
Уральського державного педагогічного університету
(г. Екатеринбург, Російська Федерація)*

«САПФИРНІСТЬ НЕБА» І «ОТСВЕТ ГОЛУБОЙ»: СЕМАНТИКА СИНЕГО ЦВЕТА В ЛИРИКЕ СТАРШИХ СИМВОЛІСТОВ

Рассматриваются особенности восприятия синего цвета в творчестве русских символистов. Приводится подробный анализ выбранных произведений и сопоставление его с психологическими трактовками цвета. В заключении выводится общая концепция семантики синего цвета в символизме.

Ключевые слова: семантика, фоносемантика, цвет, синий, символ, мифопоэтика.

Издревле люди задумывались о значении цвета в их жизни, замечая, что каждый цвет способствует возникновению определенной эмоции или состояния. Эта удивительная особенность заинтересовала людей давно. Й.В. Гете одним из первых писал трактат о цвете и его влиянии на человека («Учение о цвете»). Позднее этим вопросом интересовались М.Люшер («Цветовой личностный тест Люшера»), К. Ауэр, Г. Фрилинг («Человек-цвет-пространство»). К более современным исследованиям можно отнести работы В. Драгунского и В. Кандинского – «Цветовой личностный тест» и «О духовном в искусстве». Восприятие цвета, его влияние на душу человека не могли обойти и художники слова. Одними из первых на эту проблему обратили внимание символисты, в том числе русские поэты. Вслед за статьёй П. Флоренского «Небесные знамения» А. Белый пишет свою статью «Священные цвета», и цвет становится важной частью словаря символизма. Цвет передает эмоции и состояния автора, служит ярким символом в передаче скрытых смыслов произведений. Поэтому проблема исследования символики цвета, наряду с фоносемантикой, становится актуальной, как один из современных подходов к интерпретации поэзии Серебряного века. С каждым годом ей уделяется все больше и больше внимания в анализе мифопоэтики.

В данной статье мы обращаемся к проблеме использования символистами одного из трех основных цветов – синего. Предметом исследования является мифопоэтика синего цвета в творчестве старших символистов: В. Брюсова, К. Бальмонта, И. Анненского, объектом – наиболее характерные «расцвеченные» произведения выбранных авторов. Наша задача – исследовать семантику синего цвета в лирике старших символистов.

Синий цвет, цвет неба, всегда обращал на себя внимание людей. С точки зрения психологии, этот цвет приносит покой и глубоко погружает человека в себя. В. Кандинский в своей книге «О духовном в искусстве» пишет: «Синий есть цвет торжественности, духовной углубленности. Чем темнее синий цвет, тем более он зовет человека в бесконечное, пробуждает в нем тоску по непорочному. Это типично небесный цвет, цвет покоя. Погружаясь в черное, он приобретает призыв нечеловеческой печали, рока. Чем светлее – тем более далекий и безразличный, безмолвный покой символизирует» [1, с. 67]. Синий цвет рекомендуется психологами для лечения нервных заболеваний, он несет врачеватель-

ную функцию, гася эмоции, снимая напряжение. В Древнем Египте синим цветом красили внутренние помещения пирамид, что символизировало покой вечности, поэтому этот цвет считался цветом умерших. В мифологии синий цвет – это цвет божественный, являющийся непременным атрибутом богов (как правило, боги в мифологии всех стран носят голубое или синее одеяние), королевский оттенок, связанный с небом и с понятием недостижимого идеала. Символика синего неразрывно связана с духовной культурой и верой. В статье «Священные цвета» П. Флоренского синий цвет присутствует в одном из своих оттенков – голубом и описывается как «...тьма пустоты, – тьма, но смягченная отблеском как бы накинутого на нее вуаля тончайшей атмосферной пыли; Она зрится как мировая душа, как духовная суть мира, как голубое покрывало, завесившее природу» [2, с. 310]. Схожее толкование этого цвета мы находим и у А. Белого: «Когда разлетятся остатки пыли, и блеснет воздушная белизна...и вот сейчас же засквозит голубым... мы научимся узнавать нашу радость, взирая на ясно-лазурное грустящее радость небо. Соединение бездны мира с воздушно-белой прозрачностью как символом идеального человечества – это соединение открывается нам в соединяющем цвете неба – этом символе богочеловечества, двуединства» [3, с. 209].

Теперь обратимся непосредственно к произведениям поэтов-символистов. Какую мифопоэтическую семантику обретает синий цвет для них?

В 1916 г. В. Брюсов пишет книгу стихотворений «Семь цветов радуги», в которой выделяет каждому цвету отдельную «главу». Цель книги – охватить жизнь во всем ее разнообразии, с радостями и болью, с миром и войнами. Макроциклы книги «Синий» и «Голубой» автор связывает общей тематикой – человек и время. Синий у Брюсова предстает как мимолетность жизненных переживаний, автор старается запечатлеть мгновение, кадры человеческой жизни, которые сменяются с невообразимой быстротой, смешиваются в воспоминании. Жизнь представляется подобной кино, с его быстрой сменой событий. С появлением кино меняется мироощущение и чувство времени: мы то возвращаемся в прошлое, то вдруг созерцаем будущее: «*Все вобрала в водоворот столица, // На все вопросы принесла ответы*» («У канала»). Этот синий мир создается в свете уличных фонарей, он иллюзорен. «*Люди, люди, словно стаи // Птиц, где каждая – никто!*». Весь цикл окрашен в «*электрические свет*» города, здесь и «*шорох тени прозрачной*», и «*ровный шелест корректуры*», и «*отсвет голубой*», и дрожь, и блеск, и «*свет фонарей, раздробленных движением*». Художник пишет картину зыбкого вечернего города, где все мимолетно, где каждый на экране. Синева в «*сумраке ночей безлунных*» пронизывает стихотворения, но и она быстро сменяется: «*Что было красочным и пестрым, // ... мы делаем бесцветно-острым*». Таким образом, в синем цвете Брюсов воплощает время, мимолетность мгновений жизни, шум вечернего города с одной стороны и бесконечность, неизбежность и вечность этой суеты – с другой. «Чем темнее синий цвет, тем более зовет он человека в бесконечное», – читаем мы у Кандинского [1, с. 67]. Брюсов вложил в синий мимолетность жизни и воспоминаний, блеск городских огней – все эти быстро сменяющиеся кадры суеты большого города, который закрыт для настоящих чувств; в нем только блеск «*любви продажной*», и он далек, чужд автору. Он говорит: «*Я укрываюсь в одиночестве*». «*Жизнь как мир обмана*» раскрывает пред ним свои врата, но все это мимолетно и вечно одновременно.

В продолжение темы человека и времени – цикл «Голубой». Здесь автор обращается к воспоминаниям, к прошлому, воспевает героев и их деяния. Как пояснял П. Флоренский, «голубой зрится как духовная суть мира» [2, с. 310]. Для Брюсова значение голубого цвета расширяется до просторов прошлого: здесь автор обращается к воспоминаниям о былом счастье и любви. Сохраняется все та же атмосфера синего покоя, но только уже застывшего, не мелькающего перед глазами. Он обращается к прошлому, сквозит мотив недостижимых упований на земную радость, любовную отраду. Мотив мечты здесь связан с философским просветлением, несмотря на любые реальные разочарования. Вот она, «духовная суть мира», голубая мечта. Таким образом, небесный цвет у Брюсова вмещает в себя сложное сочетание прошлого, настоящего и будущего, это мечта о счастье, вера в идеал, пронесенная сквозь все времена и ведущая человека, как звезда. Это своеобразный голубой цветок – мечта, которой все же не суждено сбыться.

Что касается семантики синего цвета как цвета надежды и недостижимой веры в идеал, тот же мотив мы можем проследить и у К. Бальмонта, в его поэме «Фата Моргана». И несмотря на заявления поэта в статье «Любовь и ненависть», что тёмно-синий подавляет, в поэме цвет предстаёт совсем в другом, космическом аспекте. Здесь синий – это цвет веры, надежды, какой-то высшей гармонии. Это простор, но простор не гнетущий, а «бесчисленность различно-светлых звёзд». Бальмонт создаёт синий колорит произведения через образ сапфирной пустыни, над которой простирается мост в рай, в Эдем. Сапфир символизирует небесное блаженство, верность и скромность. И вот небесные пути в рай – это синий. «Синий цвет – небесный цвет», – говорит поэт. Он указывает, что всё синее обещает достижение желаний: «Дойдешь», – тебе вещает лен». Лен, в народной традиции, символ дороги и постоянства, образ васильков в стихотворении – простота, нежность. Все эти образы, так или иначе отсылающие нас к синему оттенку, по крупницам слагают макрообраз синего – постоянный, верный, космический, но близкий душе человека, вселяющий веру и ведущий к высшим ступеням духовного пути: «душою ощущается в Эдем ведущий мост». Сапфир является наиболее «духовным» из всех камней, перенося это своё значение и на синий цвет в восприятие поэта. Кроме того, Бальмонт не только поддерживает синюю гамму на образном уровне, но и «укрепляет» ее на уровне фоносемантики. Рассмотрим наиболее показательное стихотворение. В общем, в стихотворении 3 доминирующих гласных звука: [и] – [у] – [јэ].

*Пустынями эфирными, эфирными-сапфирными
Скитаются бесчисленность различно-светлых звёзд...
Но синий цвет – небесный цвет, и грёзою ответною
Просящему сознанию даёт он ряд примет...
Примет лазурно-радостных нам в буднях много светится,
И пусть как море синее, дороги далеки...*

Звук [јэ] в фоносемантике чаще всего символизирует простор, необъятное пространство, что-то лёгкое, блёстки [5, с. 286]. Здесь – на фоне синего простора – [јэ] читается как звёзды в бездонном небе. [у] и [и] – в фоносемантике: тёмно-синий/фиолетовый и синий. У Бальмонта, в его статье «Поэзия как волшебство» мы читаем: «[у] – это шум, что-то грозное, как туча, гул на морском берегу, [и] – взвихренная пучина, волнует, беспокоит, вихрь, море» [4, с. 129] – всё это тоже обыгрывает образ синего цвета. К тому же, если прислушаться к аллитерации в стихотворении «Синий», можно выделить наиболее частые звуки: [р] – [л] – [щ].

Бальмонт пишет:

«...[щ] – истинно природный звук, он – он в шелесте листьев, песне ветра, которая заполняет мировое пространство.

[р] – горы, бури, пророчества.

[л] – лепет волны, что-то влажное, нежное, влага, ласка» [4, с. 129].

Эти мотивы гор, пучины, волн еще больше подчёркивают и углубляют «синий тон» стихотворения.

И. Анненский точно также связывает цвета с несущими подобную окраску символами: синий, лазоревый зачастую в стихах поэта сопровождается сапфировыми бликами. Таким образом, цвет подкрепляется в сознании каким-то конкретным образом, символом мира земного или небесного: «А всё ведь только что сейчас // Лазурно было здесь», – восклицает поэт, то есть было живо, трепетно, радостно. Синий как оттенок голубого Анненский воспринимает в том же ключе: это и «полудня пламень синий», где всё живет – кипит – горит, и «синий сон благовонных кадил» – всё то же что-то священное, неприкосновенное. Синий – цвет духовной углублённости, цвет покоя и непорочности, в то же время включающий в себя призыв печали. Отсюда появляется у Анненского «тоска синева».

Поэт играет в стихотворениях с этим цветом, с оттенками неба и человеческого строения: небо предстаёт то лазурным, то сапфирным. Здесь синь – нежная, это цвет божественный, высокий, королевский, потому что «Синью нежной ... горды солнцевы палаты».

Эта синь и небеса – воздушные, хрустальные, и туча – тяжело полная слёз, как сердце, и волны зыбкие и далёкие, и сафиры, небесные камни добродетели:

*Что ни день, теплей и краше
Осенен простор эфирный
Осушенной солнцем чашей:
То лазурной, то сапфирной.
Синью нежною, как пламя,
Горды солнцевы палаты,
И ревниво клочья ваты
Льнут к сапфирам облаками.
Но возьми их, солнце, – душных,
Роскошь камней все банальней, –
Я хочу высот воздушных,
Но прохладней и кристальней.
Или лучше тучи сизой,
Чутко-зыбкой, точно волны,
Сумнолицей, темноризой,
Слез, как сердце, тяжело полной.*

Анненский, подобно Бальмонту, на всех уровнях окрашивает стихотворение синевою. Помимо цветowych эпитетов, образы волн, воздуха, неба наполняют стихотворения густотой цвета, но здесь переливы из воздушно-голубого в насыщенный, тяжёлый синий.

Синий присутствует в стихотворениях и на фоносемантическом уровне: ассонанс [и], [у] очевиден в этом стихотворении. Как было уже сказано ранее, эти звуки ассоциируются с тёмно-синим и голубым цветами. Символика сапфиров – синих камней, как известно, – чистота, спокойствие, правдолюбие, целомудрие. Всё это – семантика синего. Сапфир символизирует воздух, это камень верности, целомудрия и скромности; не раз в стихотворении упоминается «сапфирность неба». В древности считалось, что этот камень делает человека «чистым», создаёт радость и согласие. Синева священна. И не только у Анненского, вспомним, например, «Несказанное. Синее. Нежное» у Есенина. Но чем гуще синева, тем больше печали и тоски вбирает она в себя – отсюда появляется «свод картонно-синий», который при расставании с любимой заменяет «ту высь, что знали мы лазурной» («Спутнице»). На смену беспечной радости, любви и весне вдруг приходит пустота горького разочарования и одиночества. И отсюда же – «этот нищенский синий и заплаканный лёд» («Снег»). Но эти чувства печали, тоски, душевной нищеты даны свыше, даны небом, и потому они всё-таки синие, они несут на себе божественную печать лазурного цвета.

Таким образом, мы видим общую картину восприятия синего цвета «старшими» символистами, которая не только не противоречит психологической характеристике этого цвета, а, скорее, углубляет ее и делает более богатой и всесторонней. Синий цвет, таким образом, символизирует идеал, небесный покой и бесконечность. Синий в символизме – это цвет сакральный, напоминающий нам о времени и мимолетности жизни, о вечности суеты и прошедших мгновениях счастья. Этот цвет увлекает нас в прошлое, а также дает силу и духовное просветление.

Список использованных источников

1. Кандинский В. О духовном в искусстве / В. Кандинский. – М.: Архимед, 1992. – 349 с.
2. Флоренский П. Избранные труды по искусству / П. Флоренский. – М.: Изобразительное искусство, 1996. – 519 с.
3. Белый А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
4. Бальмонт К.Д. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи / К. Бальмонт. – М.: Правда, 1992. – 589 с.
5. Казарин Ю.В. Филологический анализ поэтического текста / Ю.В. Казарин. – Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 432 с.

Розглядаються особливості сприйняття синього кольору в творчості російських символістів. Наводиться ретельний аналіз обраних творів та зіставлення його із психологічними трактуваннями кольору. У висновках наводиться загальна концепція семантики синього кольору в символізмі.

Ключові слова: семантика, фоносемантика, колір, синій, символ, міфопоетика.

The author reviews the features of perception of the blue color in the works of Russian symbolists. The detailed analysis of some works in comparison with psychological interpretation is produced in the article. In the conclusion, there is the general conception of the semantics of the blue color in symbolism.

Key words: semantics, phonosemantics, color, blue, symbol, mythopoetics.

Одержано 1.10.2013.